

DOI: 10.31857/S032103910030260-9

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ «МАХАБХАШЬИ»

А. А. Вигасин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: alexey.vigasin@gmail.com

ORCID: 0009-0005-2166-795X

Статья посвящена классическому памятнику древнеиндийской лингвистики — комментарию Патанджали на грамматику санскрита Панини. Автор склоняется к датировке Панини рубежом IV—III вв. до н.э. Часто приводимые аргументы для датировки Патанджали серединой II в. до н.э. не кажутся убедительными. Упоминание похода греко-бактрийского царя в долину Ганга является не более чем *terminus post quem*. Есть основания думать, что «Махабхашья» была создана не ранее начала нашей эры. Особое внимание в статье обращено на интерпретацию фрагмента, в котором упоминается династия Маурьев. Автор полагает, что слова о Маурьях, которые изготавливают изображения богов с целью наживы, свидетельствуют о знакомстве Патанджали с циклом легенд о Чанакье и Чандрагупте, а возможно, и с традицией, отраженной в «Артхашастре».

Ключевые слова: Патанджали, Панини, хронология, династия Маурьев, изображения богов

SOME REMARKS ON *MAHĀBHĀṢYA*

Alexey A. Vigasin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: alexey.vigasin@gmail.com

The article is devoted to the classical monument of ancient Indian linguistics — Patañjali's commentary on the Sanskrit grammar by Pāṇini. The author is inclined to date Pāṇini to the turn of the 4th—3rd centuries BC. Frequently cited arguments for dating Patañjali to the mid-second century BC do not seem convincing. The mention of the campaign of

Данные об авторе. Алексей Алексеевич Вигасин — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.

the Graeco-Bactrian king in the Ganges valley is nothing more than a *terminus post quem*. There is a reason to think that *Mahābhāṣya* was written no earlier than the beginning of the Common Era. Particular attention in the article is paid to the interpretation of the passage in which the Mauryan dynasty is mentioned. The words about the Mauryas, who make images of the gods for the purpose of profit, indicate Patañjali's familiarity with the cycle of legends about Cāṇakya and Candragupta if not with the literary tradition reflected in the *Arthaśāstra*.

Keywords: Pāṇini, Patañjali, Mauryan dynasty, chronology, images of the gods

Хорошо известно, что памятники древнеиндийской литературы, как правило, не могут быть надежно датированы. Это затрудняет использование их в качестве исторических источников. Внимание историков нередко привлекают лингвистические труды древнеиндийских ученых, которые содержат имена авторов: «Аштадхьяи» Панини, варттики Катьяяны и «Махабхашья» Патанджали. Предполагается, что сама лексика и примеры на грамматические правила отражают историческую действительность эпохи их создания. Относительная датировка этих трех памятников не вызывает сомнений. «Аштадхьяи» — знаменитая грамматика санскрита. Ее комментировал Катьяяна. Труд его не сохранился, но, по всей видимости, был целиком процитирован в «Великом комментарии» Патанджали. Слова Катьяяны можно с уверенностью выделить в тексте этого комментария на грамматику Панини в тех случаях, когда Патанджали возражает предшественнику. Но часто он лишь следует ему, а тогда бывает сложно определить авторство того или иного фрагмента.

Абсолютная датировка этих текстов не является бесспорной. Грамматику Панини когда-то относили к VII или даже VIII в. до н.э.¹ В настоящее время склоняются к VI–V вв. до н.э.², а иногда, начиная с А. Вебера³ и О. Бетлинга⁴, говорили о IV в. до н.э. или о IV–III вв. до н.э.⁵ Варттики Катьяяны Х. Шарфе⁶ датирует временем правления Ашоки, а «Махабхашью» обычно относят на столетие позже.

Индологи были бы в трудном положении, если бы в их распоряжении не было античных источников. Упоминания греков в санскритской литературе и синхронизмы с историей античного мира позволяют наметить основные вехи древнеиндийской хронологии.

Внимание исследователей привлекает изложенное в «Аштадхьяи» (IV. 1. 9) правило, согласно которому слова женского рода могут быть образованы добавлением аффикса *-ānī*. Панини приводит ряд примеров, и в том числе *yavana* — *yavanānī*. Явана — обозначение греков, которое, в конечном счете, происходит от Ἰωνες, Ἰάωνες («ионийцы»). Обычно полагают⁷, что форма *yavana* появилась вследствие санскритизации пракритского *yona* (впервые в надписях Ашоки). Последнее слово

¹ Goldstücker 1861, 225. Cp. Winternitz 1993, 462.

² Agrawala 1953, 477; Thieme 1995, 1015; Scharfe 1977, 88.

³ Weber 1862.

⁴ Böhtlingk 1998, xviii; cp. Renou, Filliozat 1996, 86–87.

⁵ Macdonell 1913, 310; Lévi 1996, 189; Audouin, Bernard 1974, 6–41; Hinüber 1989, 34–35.

⁶ Scharfe 1977, 138.

⁷ Tóttösy 1955; 1977, 131; Karttunen 2015, 333.

могло возникнуть на основе персидского *yauna*, засвидетельствованного надписями Ахеменидов (эламское *(i)ja-u-na*)⁸.

Но возможен и другой вариант: санскритское *yavana* от арамейского *ywn* (ср. древнееврейское *Jāwān*). Против заимствования *yavana* из семитского выдвигалось возражение⁹, что знание о греках должно было проникнуть в Индию из Персии, а не с Ближнего Востока. Однако известно, что языком ахеменидской канцелярии был арамейский. Надписи персидских царей рассылались по сатрапиям в копиях по-арамейски на коже¹⁰. В Индии на основе арамейского алфавита возникла письменность кхароштки, а во времена Ашоки на северо-западе страны изготавливали для местного населения надписи на арамейском. Образованные индийцы могли быть знакомы с названием далекой страны не вследствие бытового общения с греками, а благодаря арамейским переводам царских надписей. М. Майрхофер¹¹ допускает возможность того, что заимствование санскритского слова *yavana* могло произойти независимо от пракритского *yona*. Как бы то ни было, обозначение греков как *yavana* или *yona* не могло появиться в индоарийских языках ранее того времени, когда при Дарии I были созданы персидские сатрапии Гандара и Хинду. Во времена похода Александра Македонского этим словом, очевидно, пользовались иранские переводчики, через которых греки общались с населением северо-западной Индии.

Показателен контекст, в котором фигурирует *yavana-yavanānī* у Панини. Другие приводимые им примеры: Индра — Индрани, Варуна — Варунани, Бхава — Бхавани, Шарва — Шарвани, Рудра — Рудрани, ачарьяни (жена учителя — ачарья), матулани (жена брата матери). Все это — слова, очень хорошо знакомые индийцам. Следует думать, что «грек» и «гречанка» (или «жена грека») тоже принадлежат к этой категории. Было бы странно в одном ряду с Индрой и «учителем» встретить обозначение одного из многочисленных народов, живших на противоположной окраине державы Ахеменидов. Но тогда, видимо, правы те исследователи, которые полагают, что грамматика Панини была создана после похода Александра (и даже, скорее всего, на несколько десятилетий позднее).

Комментируя слова Панини, Катьяяна говорит, что *yavanānī* относится к письменности: *yavanāl lipyāṇi*. Панини был уроженцем Шалатуры в Панджабе (район современного Лахора). Если он жил после похода Александра, в упоминании греческой письменности нет ничего невероятного. Смущает другое. Во-первых, это контекст приведенных примеров: рядом с женами Индры и Варуны, Шивы (Бхава) и Рудры «письменность греков» выглядит странно. Во-вторых, такое обозначение греческого письма практически не встречается в санскритской литературе. Г. Фальк¹² не без основания утверждает, что, если бы значение слова *yavanānī* было известно, сам комментарий Катьяяны оказался бы излишним. Но, если истолкование *yavanānī* принадлежит Катьяяне, а не Панини, его

⁸ Kent 1953, 204.

⁹ Tóttösy 1955, 312.

¹⁰ Dandamaev, Lukonin 1980, 267.

¹¹ Mayrhofer 1976, 9.

¹² Falk 1993, 259.

деятельность вряд ли может быть отнесена к III в. до н.э. Катьяяна был уроженцем Декана, а там широкое знакомство с греческим алфавитом произошло, вероятно, благодаря надписям на монетах индо-греческих царей II в. до н.э.

Почти общепринятая датировка «Махабхашьи» серединой II в. до н.э. основана на упоминании *yavana* в следующем контексте. Патанджали (III. 2. 111. 2) противопоставляет два вида прошедшего времени: имперфект и перфект. Первый указывает на события современные (*darśanaviṣaye* — «в пределах видимого»). И в качестве таких событий грамматик приводит фразы: *aruṇad yavanaḥ sāketam* и *aruṇad yavano madhyamikām*, то есть «Грек осадил Сакету» и «Грек осадил Мадхьямику». Речь, несомненно, идет о походах индо-греческих царей II в. до н.э. Но вряд ли это дает основание для датировки нашего источника тем же самым периодом¹³. И дело, мне кажется, даже не в том, что, по мнению некоторых ученых¹⁴, этот пример был заимствован у Катьяяны. Важнее то, что здесь недавнее прошлое противопоставляется мифической древности. В качестве примера употребления глагола в перфекте Патанджали дает такую фразу: *jaghāna kaṁsaṁ kila vāsudevaḥ* — «Васудева (то есть Кришна) убил Кансу». Подвиги Кришны, конечно, не принадлежат современности — о них повествуют лишь мифы. Справедливо замечает Ш.Д. Джоши¹⁵, что знаменитый пример с осадой греками Сакеты и Мадхьямики — не более чем *terminus post quem* для датировки «Махабхашьи».

Почти сто лет назад Л. де ла Валле Пуссен¹⁶ указал на значительно более важный для датировки источника фрагмент — и опять-таки связанный с греками. Панини (II. 4. 10) говорит, что сложное слово типа *dvandva* может стоять в единственном числе, если речь идет о таких шудрах, которые не являются «исключенными (из общения)» — *sūdrāṇām aniravasitānām (ekavacanam)*. В качестве примера у Патанджали фигурирует слово *śakayavana*. Грамматик объясняет, что речь идет о «шудрах, которых не следует рассматривать в качестве ритуально нечистых». Шаки и яваны, по его словам, живут за пределами Арьяварты, то есть наиболее священной для индийцев земли (центральной части Индо-Гангской равнины). Но указание на их ритуальную чистоту свидетельствует о том, что речь все же идет об Индии — скорее всего, о Пенджабе, находящемся на границах Арьяварты.

До конца II в. до н.э. среднеазиатские скифы, видимо, были плохо известны в Индии. Ситуация радикально изменилась в I в. до н.э., когда появились царства Мауэса, Аза и других индо-скифских правителей. В индийских источниках нередко можно видеть, что шаки ассоциируются с греками (иногда также и с парфянами)¹⁷. И правомерно считать, что все эти фрагменты относятся к концу I в. до н.э. или к началу н.э. Ортодоксальные индийцы, оказавшиеся под

¹³ Вопреки Р.Г. Бхандаркару (Bhandarkar 1933), которому следует большинство современных исследователей.

¹⁴ Liebich 1899, 312. Ф. Кильхорн (Kielhorn 1969a, 179) указывает, что данный пример регулярно использовался в санскритских трактатах. Так что, если бы текст «Махабхашьи» не сохранился до нашего времени, мы и средневековые памятники были бы готовы датировать временем царя Менандра (Kielhorn 1969b, 189).

¹⁵ Joshi 1980, 45.

¹⁶ De La Vallée Poussin 1930, 201–202.

¹⁷ См. подборку источников в книге Karttunen 2015.

властью чужеземцев, были вынуждены общаться с ними, признавая тем самым их ритуальную чистоту. «Ману-смирिति» (X. 43–44) признает за ними кшатрийское происхождение. Почти тождественные стихи содержатся и в «Махабхарате» (XIII. 33. 19, ср. там же 35. 18). Будто бы лишь отсутствие почитания брахманов низвело их до состояния шудр (*vr̥ṣalatva*). Д.Ч. Сиркар¹⁸ перечислил целый ряд признаков, свидетельствующих о том, что «Махабхашью» вряд ли можно датировать ранее Кушанского времени, то есть I–II вв. н.э. Э. Фраувальнер¹⁹ полностью солидаризировался с такой оценкой, приведя дополнительные аргументы.

Для историка особый интерес представляет фрагмент грамматики Панини с комментарием Патанджали об употреблении аффикса *ka*. Панини говорит, что этот аффикс уменьшительный — например, *daṇḍaka* «палочка» от *daṇḍa* (V. 3. 87). Он может также выражать пренебрежительное отношение (*avakṣepana* — V. 3. 95). Когда речь идет об изображении (*pratīkṛtau* — V. 3. 96), аффикс указывает на сходство (например, *aśvaka*, *uṣṭraka*, *gardabhaka* — изображения лошади, верблюда, осла). И далее — наиболее важная сутра об изображении божества (V. 3. 99). Аффикс *ka* не употребляется при имени божества (примеры у Панини: Васудева, Шива, Сканды, Вишну, Адитья) — но только в том случае, если эти изображения *jīvikārthe*. Исключение составляет тот случай, когда речь идет о товаре (*paṇya*).

Слово *jīvikā* встречается у Панини: в сутре II. 2. 17 оно, видимо, означает «деятельность» и противопоставлено *krīḍā* — «игре»; в сутре VI. 2. 73 (*jīvikārthe*) речь идет о «предписанном занятии, профессии». Патанджали толкует *jīvikārthe* в рассматриваемой сутре как «непосредственно²⁰ с целью почитания» (*saṃpratīpūjārtha*). Общий смысл понятен: изображения не должны обозначаться с аффиксом уменьшительно-пренебрежительным, когда они используются по назначению, то есть в культовых целях. Но такой аффикс может присоединяться к имени, если изображение используется для наживы. Средневековый комментатор Кайята приводит в качестве примера фразу: «он продает шиваки» (*vikrīṇīte śivakān*), то есть изображения Шивы. Аналогия на русском языке выглядела бы примерно так — можно сказать: «торговля иконками», но нежелательно: «молиться иконкам».

Любопытно, что, говоря об изображениях, Панини называет основные божества индуизма. Ведийская религия не знала изображений. Но во времена, когда создавалась «Аштадхьяи», было широко распространено почитание Шивы, Сканды, Кришны-Васудевы — и важным элементом их культа было почитание изображений. Рассказывая о битве Александра Македонского с Пором, Квинт Курций Руф (VIII. 14. 11) говорит, что перед строем пехотинцев индийцы несли изображение Геркулеса. В данном случае не столь уж важно, каких именно индийских богов греки принимали за привычных для них небожителей или героев — за Диониса или за Геракла. Основанием для идентификации часто служила внешность мифологического персонажа. Спутники Александра указывают на атрибуты Геракла (одежда, палица) — они видели какие-то культовые изображения. Очевидно, это были фигуры богов из того же списка, который приводит Панини: Шива,

¹⁸ Sircar 1939, 633–638.

¹⁹ Frauwallner 1982, 301–303.

²⁰ Kielhorn 1969c, 253–254.

Сканда или Кришна-Васудева. Так как в нашем распоряжении нет памятников каменной скульптуры до времени правления Ашоки, можно думать, что изображения эти изготавливали из непрочных материалов — из дерева, луба, тканой материи, которые в индийском климате не имели шансов сохраниться.

Древняя Индия задолго до Ашоки знала изобразительное искусство, но оно было связано не с ведами, а с той народной религией, которая отражена в индийском эпосе и послужила основой классического индуизма. При раскопках Ай-Ханума были обнаружены монеты Агафокла, одного из первых индо-греческих царей (начало II в. до н.э.)²¹. На них присутствуют персонажи, которые надежно идентифицируются как Кришна и Баларама. Хорошо известно, что фигуры богов на античных монетах часто воспроизводили скульптуры, стоявшие в греческих храмах. Очевидно, мы можем и по монетам с индийскими надписями представить, как выглядели культовые образы божеств. Эстетика фигур на монетах Агафокла исключительно индийская, она радикально отличается от того, что нам привычно в каменной скульптуре маурийского времени. Ее специфическая черта — преимущественное внимание к знаковой стороне изображения, к символике.

Патанджали дает такой комментарий к рассматриваемой сутре Панини: *apaṇya ityucyate tatredaṃ na sidhyati | śivaḥ skandaḥ viśākha iti | kiṃ kāraṇam | mauriyair hiraṇyārthibhir ārcāḥ prakalpitāḥ | bhavet tāsu na syāt | saṃpratipūjārthāstāsu bhaviṣyati* || Это можно передать следующим образом: «Слово “не товар” употребляется здесь в качестве запрета (в отношении изображений богов): таких как Шива, Сканда, Вишакха. В чем причина? Маурьи²² изготавливали культовые изображения, будучи жадными до денег. Разве на них распространяется (это правило)? Нет, только на такие, которые предназначены для непосредственного богочитания».

Историки часто признаются, что точный смысл высказывания им не ясен²³. Средневековый комментатор Нагоджибхатта усматривал в слове «Маурьи» не знаменитую царскую династию, а некую корпорацию ремесленников-иконописцев (*pratimāśilpavantas*). Т. Гольдштюкер²⁴ переводил *arcā* как «празднества», а не «изображения». Слово *hiraṇya* обычно трактуется как «золото». Поэтому А. Вебер²⁵ высказывал предположение, будто служащие предметом купли-продажи изображения богов — это золотые монеты, изготовленные Маурьями по образцу античной нумизматики. Слова о жадности Маурьев воспринимаются как свидетельство того, что цари продавали статуи богов (тем более что, по контексту, речь идет о некоей торговле — *paṇya*). Поэтому Б.Н. Пури²⁶ с уверенностью говорит о том, что цари маурийской династии изготавливали на продажу золотые статуи богов. Остается лишь изумляться тому, что до сих пор археологи не находят ни золотые монеты, ни золотые статуи маурийского времени...

²¹ Audouin, Bernard 1974, 6—41.

²² Отметим, что и в контексте Маурьев речь идет не о буддийских мифологических персонажах, а о тех же божествах индуизма.

²³ «The exact import of this statement is not clear» (Nilakanta Sastri 1957, 61).

²⁴ Goldstücker 1861, 228.

²⁵ Weber 1873, 330—331.

²⁶ Puri 1968, 170.

Общий смысл комментария Патанджали, очевидно, совпадает с тем, что имел в виду Панини. Но фраза о Маурьях явно добавляет нечто новое, что автор «Аштадхьяи» вовсе не имел в виду. Для ее разъяснения следует обратиться к «Артхашастре» и к литературной традиции о Чандрагупте. В трактате, который приписывается Каутилье/Чанакье, советнику первого царя из династии Маурьев, содержится глава (V. 2), посвященная самым хитроумным способам пополнения казны. Речь идет об использовании коварных приемов, позволяющих царю проводить конфискации имущества состоятельных подданных. Один из важнейших методов пополнения казны заключается также в эксплуатации религиозных суеверий. Царь приказывает изготовить изображения сверхъестественных существ (*devatā, nāgapratimā*) и помещает их в святилищах и храмах. Затем его слуги распространяют слухи о волшебных явлениях, связанных с этими изображениями, и взимают деньги (*hiraṇya*) с толпы легковых паломников (*yātrāsamājābhyāmājīvet*). Тех, кто выражает сомнение в чудесах, царские агенты тайно умерщвляют, объясняя их смерть проклятием божества. В данном контексте культовые изображения являются всего лишь средством наживы. Так как за созерцание их берутся деньги, они превращаются в предмет купли-продажи.

В «Артхашастре» слово *hiraṇya* означает не «золото», а «деньги» — золото обычно бывает выражено словом *suvarṇa*. Такое же значение *hiraṇya* имеет и у Патанджали (ср. I. 1. 1, 12: *arthinaśca rājāno hiraṇyena bhavanti* «цари охочи до денег»). Все это повествование, несомненно, связано с легендами о Чандрагупте и его советнике (так называемая «Чанакья-Чандрагупта-Катха»). Знаменитый джайнский писатель Хемачандра использовал подобные истории, рассказывая о коварных и хитроумных способах, которыми пользовался Чанакья для пополнения царской казны (*Parīṣiṣṭaparvan*, VIII. 352–376). В основе сочинений этого рода лежал фольклор. Сюжеты о Чанакье и Чандрагупте могли получить литературное оформление на рубеже н.э. «Артхашастра» была написана примерно в I в., судя по тому, что в ней говорится об импорте кораллов из Александрии Египетской (*ālakandaka* — II. 11. 42) и шелка из Китая (*cīnapaṭṭa* — II. 11. 114). Если «Махабхашья» была создана в I–II вв., не исключено, что ее автор мог быть знаком с легендами о Чанакье и даже с текстом «Артхашастры». В таком случае мы имеем дело не с историческим свидетельством о времени, близком составителю «Махабхашьи», а с отражением литературного сюжета, бытовавшего спустя столетия после гибели Маурийской державы.

Литература / References

- Agrawala, V.S. 1953: *India as Known to Pāṇini. A Study of the Cultural Material in the Aṣṭādhyāyī*. Lucknow.
- Audouin, R., Bernard, P. 1974: Trésor de monnaies indiennes et indo-grecques d'Aï Khanoum (Afghanistan). II. Les monnaies indo-grecques. *Revue Numismatique* 16, 7–41.
- Bhandarkar, R.G. 1933: On the Date of Patañjali and the King in Whose Reign He Lived. In: *Collected Works of Sir R. G. Bhandarkar*. Vol. I. *Comprising Miscellaneous Articles, Reviews, Addresses, etc.* Poona, 108–114.
- Böhtlingk, O. (Hrsg.) 1998: *Pāṇini's Grammatik. Herausgegeben, übersetzt, erläutert und mit verschiedenen Indices*. Reprint ed. Delhi.

- Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. 1980: *Kul'tura i ekonomika drevnego Irana* [Culture and Economics of Ancient Iran]. Moscow.
- Дандамаев, М.А., Луконин, В.Г. *Культура и экономика Древнего Ирана*. М.
- Falk, H. 1993: *Schrift im alten Indien. Ein Forschungsbericht mit Anmerkungen*. Tübingen.
- Frauwallner, E. 1982: Sprachtheorie und Philosophie im Mahābhāṣyam des Patañjali. In: G. Oberhammer, E. Steinkellner (Hrsg.), *Kleine Schriften*. Wiesbaden, 284–310.
- Goldstücker, Th. 1861: *Pāṇini. His Place in Sanskrit Literature. An Investigation of Some Literary and Chronological Questions*. Berlin–London.
- Hinüber, O. von 1989: *Der Beginn der Schrift und frühe Schriftlichkeit in Indien*. Stuttgart.
- Joshi, S.D. 1980: The Contribution of R.G. Bhandarkar to the Study of Sanskrit Grammar. In: M. Nagatomi, B.K. Matilal, J.M. Masson, E.C. Dimock (eds.), *Sanskrit and Indian Studies. Essays in Honour of Daniel H.H. Ingalls*. Dordrecht–Boston–London, 33–60.
- Karttunen, K. 2015: *Yonas and Yavanas in Indian Literature*. Helsinki.
- Kent, R. 1953: *Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon*. 2nd ed. New Haven.
- Kielhorn, F. 1969a: Aruṇad yavano madhyamikām. In: W. Rau (Hrsg.), *Kleine Schriften, mit einer Auswahl der epigraphischen Aufsätze*. Bd. I. Wiesbaden, 179.
- Kielhorn, F. 1969b: Der Grammatiker Pāṇini. In: W. Rau (Hrsg.), *Kleine Schriften, mit einer Auswahl der epigraphischen Aufsätze*. Bd. I. Wiesbaden, 188–202.
- Kielhorn, F. 1969c: The Maurya-passage in the Mahābhāṣya (P. V. 3. 99). In: W. Rau (Hrsg.), *Kleine Schriften, mit einer Auswahl der epigraphischen Aufsätze*. Bd. I. Wiesbaden, 251–255.
- La Vallée Poussin, L. de 1930: *L'Inde aux Temps des Mauryas et des Barbares, Grecs, Scythes, Parthes et Yue-tchi*. Paris.
- Lévi, S. 1996: La Grèce et l'Inde d'après les documents indiens. In: *Mémorial Sylvain Lévi*. Delhi, 187–203.
- Liebich, B. 1899: Das Datum des Candragomin. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 13, 308–315.
- Macdonell, A.A. 1913: *A History of Sanskrit Literature*. 4th Impression. London.
- Mayrhofer, M. 1976: *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen*. Bd. III. Y–H. Nachträge und Berichtigungen. Heidelberg.
- Nilakanta Sastri, K.A. (ed.) 1957: *A Comprehensive History of India*. Vol. II. *The Mauryas and Satavahanas, 325 B.C. – A.D. 300*. Bombay.
- Puri, B.N. 1968: *India in the Time of Patañjali*. 2nd ed. Bombay.
- Renou, L., Filliozat, J. 1996: *L'Inde classique: manuel des études indiennes*. T. II. Réimpr. Paris.
- Scharfe, H. 1977: *Grammatical Literature*. (A History of Indian Literature, V/2). Wiesbaden.
- Sircar, D. Ch. 1939: Date of Patañjali's Mahābhāṣya. *Indian Historical Quarterly* 15, 633–660.
- Thieme, P. 1995: Etymologie – einst und heute. In: R. Söhnen-Thieme (Hrsg.), *Kleine Schriften*. Bd. II. Stuttgart, 1012–1021.
- Tóttösy, Cs. 1955: The Name of the Greeks in Ancient India. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 3, 301–319.
- Tóttösy, Cs. 1977: Graeco – Indo-Iranica. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* 25, 129–135.
- Weber, A. 1862: Zur Frage über das Zeitalter Pāṇini's. Mit specieller Beziehung auf Th. Goldstücker's „preface“ zum „Mānavakalpasūtra“. In: A. Weber (Hrsg.), *Indische Studien. Beiträge für die Kunde des indischen Altertums*. Bd. V. Berlin, 1–176.
- Weber, A. 1873: Das Mahābhāṣya des Patañjali. Benares 1872. In: A. Weber (Hrsg.), *Indische Studien. Beiträge für die Kunde des indischen Altertums*. Bd. XIII. Leipzig, 293–496.
- Winternitz, M. 1993: *History of Indian Literature*. Vol. III. Reprint. Delhi.